

для их исследований.

Текст воспоминаний проиллюстрирован рядом редких фотографий, относящихся к военному и послевоенному времени.

В.И. Косик

Москва

А.А. Фет и его литературное окружение / Отв. редактор Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008-2011. Литературное наследство. Т. 103, кн. 1-2. – 992 и 1039 с.

В минувшем 2011 году серия «Литературное наследство» отметила 80-летие со дня своего основания. Издание начинало выходить при Журнально-газетном объединении в 1931 году под грифом РАПП и Института литературы и языка Комкадемии, но это не помешало ему с первых шагов направить свою деятельность в историко-литературное русло и со временем стать одним из авторитетных в научном и текстологическом отношении публикаторов архивных материалов. Этим оно обязано своему основателю и бессменному руководителем на протяжении многих лет И.С. Зильберштейну, а также присоединившемуся к нему С.А. Макашину, а позднее и Н.А. Трифонову.

Долгие годы основным предметом изучения и публикаций оставалось наследие так называемых революционных демократов, несколько десятков томов «Литературного наследства» посвящено В. Белинскому, Н.Г. Чернышевскому, А. Добролюбову, Салтыкову-Щедрину, Н.А. Некрасову; 10 томов было специально посвящено наследию А.И. Герцена (тт. 39-40, 41-42, 61-64, 96 и 99). Однако и тогда уделялось достаточное внимание классике: А.С. Пушкину (тт. 16-18), Л.Н. Толстому (тт. 35-36, 37-38, 62 – в двух книгах), один из первых томов был посвящен наследию Гёте (тт. 4-6). Справедливости ради отметим также, что даже в 30-е годы на его страницы принимали и такие публикации как «Автобиография» К.Н. Леонтьева, «Неизданные “Философические письма” Чаадаева» (тт. 22-24), а также посвященные наследию символистов – А. Белому и А. Блоку публикации 27/28 тома.

Поэтому выступая в 1982 году на юбилейном заседании, посвященном пятидесятилетию «Литературного наследства», С.А. Макашин имел основание говорить:

Общее значение и главные итоги полувековой деятельности «Литературного наследства» очевидны: своими публикациями оно существенно расширило текстово-документальный фонд русской литературы и русской общественной мысли. Наглядное доказательство тому, во-первых, в неподдающемся учету количестве ссылок в научных трудах на «ЛН» и на обнародованные в нем первоисточники и, во-вторых, в том факте, что за годы существования «ЛН» нет ни одного научного собрания сочинений русской классики, которое в той или иной мере не было бы обязано своими «новинками» нашему изданию». ¹

В 80-е годы тематика публикаций «Литературного наследства» начала существенно меняться, были подготовлены и вышли тома «Неизданный Достоевский: Записные книжки и дневники» (т. 83), «Иван Бунин» (т. 84 в двух книгах). Уникальность «Литературного наследства» во все эпохи определялось тем, что только здесь можно было вводить в научный обиход большие массивы архивных материалов, разного рода переписок, дневников, записных книжек, не представляющих непосредственного читательского интереса. В этой связи нельзя не вспомнить пятикнижие «У Толстого. 1904-1910. Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. (т. 90, Кн. 1-5), именной указатель к которому занимает отдельный том и обладает самостоятельной ценностью справочного издания.

Несомненной заслугой «Литературного наследства» является и то, что коль скоро имена писателей и поэтов Серебряного века вышли из-под запрета, «Литературное наследство» занялось систематической разработкой эпистолярного наследия Серебряного века, так наследию В.Я. Брюсова посвящены три тома (85 и том 98 в двух книгах), А. Блоку (грандиозное пятикнижие 92 тома). В последние годы вышли тома, посвященные наследию Н.С. Лескова,² А.П. Чехова,³ И.А. Гончарова.⁴ Не вина редакции, что оказался не-

¹ Юбилейное выступление С.А. Макашина цитируется по публикации: «“Литературное наследство”: страницы истории. Из архива С.А. Макашина. Публ. и подг. текста А.Ю. Галушкина // Русская литература. 2011. № 2. С.67.

² Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Розенблюм. М.: Наследие, 1991-2000. Литературное наследство. Т. 101. Кн. 1-2.

³ Чехов и мировая литература: В 3 кн. / Ред.-сост. З.С.Паперный и Э.А.Полоцкая; Отв. ред. Л.М.Розенблюм; М.: Наука; ИМЛИ РАН, 1997-2005. Литературное наследство. Т. 100. Кн. 1-2.

⁴ И.А.Гончаров: Новые материалы и исследования / Отв. ред. С.А.Макашин, Т.Г.Динесман. М.: Наследие, 2000. Литературное наследство. Т. 102.

изданным том из наследия К.Н. Леонтьева; он готовился на протяжении нескольких лет, но так и не был доведен до печати и теперь его материалы бесследно растворились в новом собрании сочинений Леонтьева. В качестве заслуги издания упомянем и о том, что на протяжении своего существования оно было и «убежищем» для опальных ученых, обеспечивая работой тех, чьи имена по тем или иным причинам находились под запретом – Д.И. Шаховского, С.Н. Дурьлина, Н.П. Анциферова, Ю.Г. Оксмана, Л.К. Чуковской и др.

Еще одна важная подробность, имеющая прямое отношение к юбилею издания и его истории: в настоящий момент подготовлен справочный том 104 в двух книгах ««Литературное наследство» за 80 лет», где будут представлены не только указатели содержания отдельных томов, но и именные указатели к ним, что приобретает особенную ценность потому, что ранние тома «Литературного наследства» выходили без именных указателей.

Два фетовских тома «Литературного наследства» вышли в юбилейном году, и могут быть названы образцовыми с точки зрения стандартов «Литературного наследства». Здесь впервые опубликованы более 1000 писем, причем многие в форме двусторонней переписки Фета с такими корреспондентами как Л.Н. Толстой, С.А. Толстая, поэт К.Р. (великий князь Константин Константинович Романов) и др. В первом томе опубликовано пять эпистолярных комплексов: 4 письма Фета к его университетскому наставнику С.П. Шевыреву (публикация Т.Г. Динесман), 56 писем к ближайшему другу и родственнику И.П. Борисову (публикация Г.Д. Аслановой и И.А. Кузьминой), 2 письма к И.С. Тургеневу (публикация Ю.П. Благовоиной), 200 писем переписки с другом и родственником В.П. Боткиным (публикация Ю.П. Благовоиной), и 234 письма переписки с Я.П. Полонским (публикация Т.Г. Динесман и М.И. Трепалиной).

Открывает том статьей Л.М. Розенблум «Фет и эстетика “чистого искусства”», где эстетические воззрения поэта рассматриваются под новым углом зрения, не как предустановленное реакционной общественной позицией бегство от жизни с ее злобами дня, а именно как углубленное, но исключительно лирическое постижение и восприятие окружающего мира. Одной из примечательных тем статьи является указание на христианскую тему в публицистике и христианские мотивы в лирике Фета, которого несколько поколений биографов всячески стремились выставить

чуть ли не атеистом. Л.М. Розенблюм не пытается противопоставить этому «четкое, окончательное определение религиозного мировоззрения Фета» (с. 41), а рассматривает его религиозные настроения в контексте религиозных исканий его великих современников, таких как Ф.М. Достоевский и Н.Н. Страхов, как Я.П. Полонский, и на этом фоне характеризует Фета как «человека своего века со своим “мятущимся сознанием”, в счастливые творческие минуты ощущавший силу “небесного притяжения”» (С. 41).

Во втором томе представлена переписка Фета с Л.Н. Толстым, а после того, как эпистолярное общение между ними прервалось, продолжающая ее переписка с Софьей Андреевной Толстой, которая отчасти взяла на себя посредничество в прерванном диалоге.

«Толстовские сюжеты» постоянно обсуждались и в переписке Фета к критиком Н.Н. Страховым, хотя не только они составляли содержание переписки. Начиная с 1850-х годов Страхов стал литературным советником Фета, посылавшего на его суд свои новые стихи. Сегодня советы Страхова далеко не всегда кажутся бесспорными, его вкусы были весьма архаичны.

Самая большая по размерам переписка второго тома, – переписка с поэтом К.Р., посылавшему на суд Фета свои стихи и получавшему в ответ не только их детальный разбор, но и объяснение законов поэтического творчества. В адресованных К.Р. письмах Фета привычное для современного читателя благоговение монархиста сочетается с суждениями наставника. Пожалуй нигде больше Фет не излагал свои эстетические взгляды столь подробно.

Впервые публикуемые в двух книгах нового тома «Литературного наследия» письма Фета открывают исключительный по широте и разнообразию круг его интересов. Каждая из переписок позволяет увидеть в нем то философа (письма к Л.Н. Толстому), то страстного и азартного хозяина (письма к И.П. Борису), то галантного кавалера, поэта и чуткого друга, понимающего нелегкое бремя жизни с гением (письма к С.А. Толстой), то монархиста и литературного наставника (письма к К.Р.), а то просто друга (письма к Я.П. Полонскому). И на фоне всего этого разнообразия духовной жизни постоянный мотив – хозяйственные хлопоты помещика, рачительного хозяина, заботящегося о крестьянах, но вместе с тем относящегося к ним без всякой сентиментальности. Из переписки Фета о хозяйственной жизни пореформенной России можно узнать больше, чем из учебников истории.

Вообще при чтении переписки Фета у читателя постоянно возникает ощущение, что мы впервые слышим голос человека, чьим именем подписаны гениальные стихи. Но если автор стихов как бытовая личность скрыт от нас, то в письмах круг его чувств и переживаний раскрывается в полной мере. Переписка помогает увидеть под новым углом зрения и воспоминания, которые несмотря на большой объем (три книги мемуаров «Мои воспоминания» и «Ранние годы моей жизни» вместе составляют около полутора тысяч страниц) и даже включение в них некоторых писем (например, Толстого), по существу оставляли за кадром внутреннюю жизнь Фета, передавали в основном внешние факты его жизни.

Переписка Фета как бы наполняет все то, что известно из воспоминаний, живительной влагой, горячими эмоциями и размышлениями, и приближая нас к личности поэта, не оставляет камня на камне от всех тех вымыслов и домыслов, которыми так долго пробавлялись его биографы. Такой голос поэта мы, действительно, слышим впервые, открывая совершенно неизвестные стороны его жизни, узнавая о его духовных интересах и исканиях, литературных и эстетических размышлениях и вкусах, а также дружеских и родственных привязанностях. Чего стоят заботы Фета о сестре Надежде, страдающей наследственным душевным недугом, письма к ее мужу Борису и забота после их смерти о воспитании племянника Пети, оставшегося сиротой, унаследовавшего душевный недуг матери и окончившего свои дни в психиатрической лечебнице.

Личность Фета была нетипична во многих отношениях – всех отношениях, чего стоит одна из его самоаттестаций – «западник на русской подкладке из ярославской овчины, которую при наших морозах покидать жутко»⁵. Но при отсутствии кровной связи с Россией, он был, как сказал Пушкин о Фонвизине, «из перерусских русский», то есть человек, ощущавший неразрывную связь со своей страной и культурой. Новый том «Литературного наследства» открывает большие возможности в деле изучения биографии и творческого пути Фета. Нельзя не упомянуть также, что оканчивается вторая книга сразу тремя некрологами: составительницы тома – Т.Г. Динесман, которой не суждено было увидеть его опубликованным, а также принимавших участие в его подготовке Ю.П. Благовоиной и Л.М. Розенблюм. Их имена были связаны с редак-

⁵ Фет А. Мои воспоминания. М., 1990. Ч. 2. С.350.

цией «Литературного наследства» на протяжении многих лет, как и имена скончавшихся ранее И.С. Зильберштейна и С.А. Макашина. Видимо, с их уходом перевернулась важная страница в истории издания, но будем надеяться, что они успели воспитать достойную смену и будут иметь последователей, способных поддержать авторитет издания.

Евг. Иванова
Москва

Поэзия русских философов XX века. Антология. Составители Михаил Сергеев и Леонид Столович. Вступительная статья Леонида Столовича. Бостон: M Graphics Publishing, 2011. 302 с.

Если вселенная имеет смысл, то двух, противоречащих друг другу истин – поэтической и научной, не может быть.

–Вл. Соловьёв

Не все философы пишут стихи, и не все поэты интересуются философией, а уж, тем более не занимаются ею профессионально. Этот факт, сам по себе, не вызывает удивления – что ж, сколько людей, столько и интересов, а главное, столько предрасположенностей к занятию тем или иным видом творчества; видимо, «так природа захотела». Но название лежащей передо мной Антологии «Поэзия русских философов XX века», думаю, обратит на себя внимание даже человека, не очень искушённого в истории философии. Философа-лирика в самом деле не часто встретишь, а что стихи у него будут отличаться от стихов, скажем, парикмахера – и рифмуемыми словами, и ассоциативным рядом поэтических образов, и скрытым смыслом – бесспорно. Ведь философское образование, по оценке одного из литературных критиков, является наилучшим эстетическим цензом. Правда, может возникнуть и другой вопрос: а не является ли тяга философа к поэтическому творчеству лишь выражением общезначимости известного физикам «принципа дополнительности», т.е. того простого факта, что поэзия даёт любителю-стихотворцу то, чего ему не хватает в его собственной профессии? Отчасти, конечно, да. Как верно подмечено, философ